

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Гении Толстого многогранен. Интересны взгляды великого писателя на русскую поэзию, они помогают полнее представить творческий облик автора «Войны и мира», глубже понять его эстетику.

Лев Толстой в зрелые годы не считал себя поклонником и ценителем стихов. В его письмах можно встретить такие замечания, вроде: «вы помните, не люблю стихов», «суждение мое примите, как суждение неохотника и незнаюка стихов», «я не люблю стихов вообще». Будучи реалистом до мозга костей, он не терпел искусственности в литературе, и поэтому его не привлекала стихотворная речь, которая со своими особенностями отражения мира, со своими размерами, ритмами и рифмами по сравнению с языком прозы выглядела условной, не вполне естественной. Оценивая стихотворение одного начинающего поэта, Толстой заметил: «Содержание хорошо, но если бы оно было выражено прозой, оно было бы яснее и короче».

Однако все это еще не значит, что Лев Николаевич совершенно игнорировал поэзию. Незадолго до смерти, 24 октября 1910 года, рассматривая планы народного издательства «Посредник», он писал: «Третий раздел — выбрал бы самые лучшие стихотворения: Пушкина, Тютчева, Лермонтова, даже Державина. Если малая стихотворства так распространена, то пускай по крайней мере они (т. е. читатели) имеют образец совершенства в этом роде». Эти слова писателя свидетельствуют, что к хорошим стихам он относился более благожелательно. Но и этим далеко не исчерпывалось его отношение к поэзии. Сам

Толстой указывал на своеобразие и двойственный характер своего отношения к поэтическим произведениям. В письме к поэту Полонскому он писал: «Правда, что я иначе смотрю на стихи, чем как я смотрел прежде и как смотрят вообще, но я умею смотреть и по-прежнему». В этих словах кратко определена вся сложность взглядов писателя на поэзию. В молодости Лев Толстой не только довольно благосклонно относился к поэзии, но и сам писал стихи. Ему принадлежат, например, солдатская песня «Как четвертого числа», которая своим обличением бездарных царских генералов привлекла внимание Герцена и была опубликована им в альманахе «Полярная звезда». Ее дважды — в статье «Кто за союзы с кадеганами» (1906 г.) и в работе «О праве наций на самоопределение» (1914) цитировал В. И. Ленин.

Песня «Как четвертого числа» написана в народном духе, и это показательно для эстетических взглядов Толстого. Постепенно переходя на позиции патриархального крестьянства, писатель начинает ориентироваться на народные художественные вкусы и очень критически относится к поэзии письменной, литературной, которая, по его мнению, была чужда и непонятна народу. Одновременно Толстой продолжает высоко ценить песни фольклорные. В 1862 году он отмечает, что крестьянские дети получают более полное удовольствие от поэтических произведений из сборника известного собирателя были П. Н. Рыбникова, чем от стихов А. С. Пушкина. Это не значит, что сам Толстой недооценивал творчества Пушкина. Его отношение к великому на-

циональному поэту было более сложным, он смотрел на него то глазами заочного патриархального крестьянина, который никогда не читал Пушкина, а если и читал, то не находил в его стихах отражения своих повседневных забот и чаяний, то глазами просвещенного человека, ясно видящего в Пушкине гениального поэтического выразителя национального самосознания. До конца своих дней Толстой продолжал любить произведение великого поэта, которые были близки ему своей глубиной и содержательностью, законченностью и ясностью, простотой и совершенством.

Раздумьями над жизнью, над ее смыслом привлекали Толстого поэтические произведения Е. Баратынского и М. Лермонтова. В одном из писем 1889 года он отмечает «в Лермонтове самые высокие нравственные требования, лежащие под скрывающим их напущенным байронизмом». На эту особенность поэта Толстой обратил внимание не случайно, потому что в его собственном творчестве нравственные критерии имели исключительно большое значение.

Любимым поэтом великого писателя был Федор Иванович Тютчев. Еще в 1856 году Толстой, разговаривая с Тютчевым о «Севастопольских рассказах», был восхищен чуткостью поэта к русскому языку. С годами интерес Толстого к Тютчеву возрастал. 1 мая 1858 года в письме к своей тетке А. А. Толстой писатель с восторгом цитирует строчки из стихотворения Тютчева «Весна», в котором раскрывается одна из ведущих тем философской лирики поэта: человек и природа. Свежая, юная весна

«цветами сыплет над землею», она не знает «была ль другая перед нею», ее не смущает... «и страх кончины неизбежной», «у нее жизнь... вся в настоящем разлита». Все это делает весенний мир чистым, исполненным внутренней гармонии и непосредственности. Этот материнский мир природы зовет к себе свое дитя, живущего в постоянном душевном смятении человека, зовет, чтобы он хотя бы на миг ощутил свою причастность к поэзии вечного мироздания. Толстой приводит из стихотворения слова «И ринься, бодрый, самовластный, в сей животворный океан», читая которые, невольно вспоминаешь об отношении к природе самого писателя и его любимых героев — Наташи Ростовой, Андрея Болконского, Константина Левина. Философия природы Толстого испытала несомненное влияние лирики Тютчева. Среди других стихотворений поэта, особо отмеченных Толстым, следует назвать «Проблеск», «Тени сизые смешались», которые убедительно свидетельствуют, что в мировоззрении Толстого и Тютчева было много общего. Недаром, будучи уже автором «Войны и мира», Толстой в 1871 году в письме к Н. Н. Страхову писал: «...Встретил Тютчева, и мы четыре часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя старик. Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил...» Толстой, по

определению Чернышевского был мастером в художественном раскрытии диалектики души, и это тоже роднило его с Тютчевым, который в своих стихах постоянно стремился выразить глубину и сложность движения человеческих мыслей и чувств, обнажить до конца тайники сознания и сердца.

Не раз Л. Н. Толстой похвально отзывался о стихах А. А. Фета, с которым у него были дружеские отношения. Писателю нравились такие лирические произведения поэта, как «Майская ночь», «Среди звезд», «Опять», «Далекий друг, пойми мои рыдания», переложения горских песен и другие, однако, в данном случае, нет того восхищения, какое было перед стихами Тютчева. Фет был интимно-камерным поэтом, его, в отличие от Толстого и Тютчева, не волновали глубокие философские проблемы, исторические судьбы России, общественные вопросы. Он умел мастерски передать тончайшие движения души, и за это его ценил Толстой, но он не пытался глубоко осмыслить индивидуальное бытие в его связях с многообразной общественной жизнью, а это не импонировало Толстому. «Фету противны стихи со смыслом», — отмечает он в дневнике за 1889 год. А. А. Фет много сделал для разработки психологической лирики, но отчужденность поэта от общественной жизни, от повседневной действительности была симптомом обмеления, упадка его творчест-

ва. И поэтому, конечно, неслучайно Толстой однажды упомянул имя Фета в числе, как он говорил, «весьма сомнительных поэтов» — Майкова и Полонского. Великий писатель остро чувствовал, что так называемое пушкинское начало в русской поэзии, выраженные им которого считались Майков, Полонский и другие, приходит во второй половине XIX века в упадок. В 1872 году он пишет Н. Н. Страхову: «Заметили ли вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: упадок поэтического творчества всякого рода — музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода — музыки, живописи, и украшения, и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в парадности. Последняя волна поэтическая — параболла была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы, грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, бог даст, а пушкинский период умер совсем, сошел на нет». Несмотря на категоричность отдельных сторон этого суждения, великий писатель в принципе был прав. По идейным причинам не принимая стихов Н. А. Некрасова, Толстой, правильно определив тенденцию поэтического развития, не смог увидеть, что именно этот поэт революционной

демократии определил для русской поэзии путь «возрождения в народности». Лев Николаевич высоко ценил художественный вкус Некрасова, гордился отзывом поэта о повести «Детство», но ему был чужд «возмущенный, желчный, злой» лирический герой стихов Некрасова, так как сам Толстой избирал не путь социальной борьбы, а путь нравственного самосовершенствования.

В. И. Ленин показал, что патриархально-крестьянская точка зрения Толстого определила сильные и слабые стороны писателя. Эта двойственность дала о себе знать и в его отношении к поэзии. Резко критикуя с позиций патриархального крестьянства оторванную от народа поэзию, и в частности произведения декадентов, Толстой в то же время, абсолютизируя художественные вкусы отсталого крестьянства, подчас недооценивал значительные явления русской поэзии. Но Толстой потому и велик, что он, вопреки всяким догмам, умел глубоко видеть правду жизни. Сумел он также увидеть и оценить поэтические произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева, которые играли значительную роль в его духовной жизни.

М. ПЬЯНЫХ,
старший преподаватель Ко-
стромского пединститута.

«СЕВЕРНАЯ ПРАВДА»

15 ноября 1960 г. 3 стр.